

Дальним ветром

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗИИ
ЖУРНАЛА «ВОЗДУХ»

Это издание может содержать информацию, которую российское правосудие может счесть вредной для несовершеннолетних. Если вы доверяете российскому правосудию больше, чем нашему издательству, — не позволяйте несовершеннолетним знакомиться с этим изданием и сами воздержитесь от знакомства с ним.

Marcin Świetlicki

100 WIERSZY O WÓDCE I PAPIEROSACH

PRZETŁUMACZYŁ NA JĘZYK ROSYJSKI IGOR BIEŁOW

2015

Мартин Светлицкий

100 СТИХОТВОРЕНИЙ
О ВОДКЕ И СИГАРЕТАХ

ПЕРЕВЁЛ С ПОЛЬСКОГО ИГОРЬ БЕЛОВ

2015

ББК 84(4Пол)6–5

С 24

Мартин Светлицкий. 100 стихотворений о водке и сигаретах. / Перевод с польского Игоря Белова. – М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2015. – 136 с. – Серия «Дальним ветром», вып.5.

Мартин Светлицкий родился в 1961 году в Люблине. Учился на филологическом факультете Краковского университета. Принадлежит к дебютировавшему в конце 80-х годов «поколению бруЛиона» («черНовика» – по названию неподцензурного литературного журнала). Выпустил 18 книг стихов, несколько книг прозы, а также ряд дисков с мелодекламацией собственных текстов в сопровождении рок-группы «Świetliki». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Премии Косцельских (1996) и премии «Паспорт "Политыки"» (1994, от получения отказался). Живёт в Кракове.

ISBN 978-5-86856-250-1

ББК 84.P7

Обложка:
Артур Константинов

© Marcin Świetlicki/EMG Publishing House 2011, 2013, 2014

© Белов Игорь Леонидович 2014 – перевод

Издано при финансовом участии Института книги (Польша) в рамках программы поддержки перевода ©Poland

**Из книги
«ХОЛОДНЫЕ СТРАНЫ»**

Польша

- И когда мы стоим рядом перед складом с оружием,
и от нас несёт нашими снами.
- И когда в кинотеатре она касается меня мокрым
пальцем, чтобы я знал, что она плачет.
- И когда второй дуб в саду продаётся, и я получаю
за него свою долю.
- И когда сержант орёт на меня *ах ты сука*, а я
бледнею, говоря с ним одним лишь взглядом.
- И когда я — призрак Центрального вокзала,
бродячая нечисть в неоновых огнях.
- И когда она суёт мне в рот свой треугольный язык,
не соглашаясь на большее.
- И когда мама в который раз говорит *кажется*,
мне только снилось, что у меня был сын.
- И когда они дерутся на площади Рынок, на улице май,
а я спокойно смотрю по ТВ фильм *Easy Rider*.
- И когда зимним утром мы входим с Ясем на мол
в Сопоте.
- И когда я прихожу в себя в больнице,
и в эту минуту по радио звучит *Norwegian Wood*.
- И когда на свадьбе старшей сестры вдруг пропадает
младшая — я сажусь в такси и еду её искать.
- И когда отключают свет, а мы садимся за стол,
зажигаем свечи, болтаем.
- И когда я падаю в колодец в Сандомеже,
смотрю в небо со дна колодца и смеюсь.
- И когда Рыжий фотографирует нас на Казимеже
в последний день апреля.
- И когда она идёт со мной через мост, она
прекрасна, дует холодный ветер, она прекрасна.
- И когда мне приходит письмо от старшей сестры,
письмо, в котором говорится о моём лицемерии.

И когда я вижу, как пьяный прапорщик стреляет
в часового — это всего лишь секунда.
И когда мы собираемся пойти на «Санаторий
под клепсидрой», но тут как раз вводят
военное положение.
И когда она уезжает после первого визита, а я
нахожу её туфли, рыжий волос на свитере.
И когда я получаю телеграмму от Петра
если хочешь поговорить приезжай можешь
переночевать.
И когда мы женимся в пустом Дворце
бракосочетаний в присутствии двух свидетелей.
И когда я смотрю на международный экспресс,
стоя в рабочем комбинезоне, в августе 80-го.
И когда моя жена выступает на митинге
против закона о запрете абортов.
И когда я пытаюсь закурить сигарету, как Богарт,
и не очень-то получается.
И когда мы идём с ней не спеша, шаг за шагом,
и я чувствую, как напряжено её тело.
И когда умирает мой дед, а я украдкой
расписываюсь гвоздём на гробе.
И когда я читаю говённый правый журнал
«Молодая Польша», и мне даже не смешно.
И когда эта идиотка говорит, что ей нравятся
мои стихи, в особенности один.
И когда заседает Сейм и я слышу всё это
по радио в парикмахерской —
им кажется, что у них есть свой поэт.
А я делаю ироничную горькую паузу,
выдавливаю ухмылку
и торжественно отрекаюсь.

Тропик Козерога

Волшебные слова весомее воплей,
они приходят только в особенную минуту —
либо во сне. Наши потрескавшиеся губы
произносят их редко, словно молебен, который
ещё никогда так не звучал.

Поезд отходит в неудобное время,
приходится прервать послеобеденную сиесту,
соскользнуть с женщины, которая
только тогда попросит: «не уезжай», пробежать
через рынок, ставший меньше себя самого,
обливаться пóтом на солнце, которое,
как всегда на закате, абсолютно бесцветно.
В банках на подоконниках — белые солёные огурцы.
Городок автоматически стирается
из памяти, когда садишься в поезд и
уезжаешь, уезжаешь, не глядя в окно.

Ловушка

Снег. Дождь.

Псы окружают.

Узнаю некоторых из них.

Первый снег

За стеной сад но эхо такое
словно там ещё одна комната
мыши почуяли неладное и вывели
свои отряды из этого дома

Белый пёс толстый белый ангел
вчера принёс весть о тебе я прогнал его
смёл осколки разбитого зеркала
умылся растопил печь

Они входят выходят разглядывают всё вокруг
я улыбаюсь хотя мог бы убить
когда ты заглянула в окно и подала мне знак бровями
я назло решил не выходить

Я всё ещё предпочитаю думать что здесь тепло
твои сани в метели не видать мне королевства
я крепко держусь за стол не видать мне королевства
я крепко держусь за стол и зрачки у меня белые

**Из книги
«СХИЗМА»**

Просыпаясь и чувствуя руку, спокойно лежащую
на гениталиях, без всяких греховных целей,
спокойно и невинно, прислушиваясь
к призрачному дождю и различая в нём
один тоненький ворчливый голосок,
повторяющий моётвоё имя,
заглушаемый на минуту звуками джунглей, потом снова
отчётливый и навязчивый, — я искренне верю,
что уже проснулся, а раз я уже не сплю,
то всё, что слышу, обязательно нынче сбудется.

Просыпаясь и не зная, лежит ли кто-то возле меня,
не ищу никого, не проверяю, жду,
когда из гудящего мрака вынырнет
рука и коснётся меня, даже если ты
бесконечно далеко, за границей
рассудка, до безобразия отдельно,
всё равно так и будет, поскольку так было
всегда, и это не память, а знание,
уверенность, неизбежность, раз уж я человек
определённого пола и весь такой сонный, горячий, —
всё это сегодня сбудется.

Так что нет у тебя лица. И тебе придётся
смириться с этим. Каждый раз оно
одинаково выразительно. Каждый раз
оно одинаково мертво. Призрачный дождь
красит двор в чёрное
с лёгким оттенком серого. Тут же влетает
привидение-солнце — и цветá, кажется,

остаются всё теми же. Абсолютно
анонимная история, никого со мной нет,
только мягкая постель, с которой стремительно сходит
пятно в форме тела, и открытое окно.

Майские баталии

Дом стоит у подножия стены.
В соседней комнате лежат вещи умершей.
Дом стоит среди таких же домов.
Всюду тяжёлая духота.

Ты ещё не в курсе? Это я смотрю на тебя,
когда засыпаю. И это из-за тебя
я прожигаю сигаретами дыры в постели,
уже уснув. Не знаешь, не хочешь

но всё же поедешь со мной.

Поля и армии призраков в этих полях
молча присматриваются друг к другу.
Полчища цветов. Зарево неприкаянного пожара
высоко в облаках. Приметы. Приметы.

В соседней комнате лежат вещи умершей,
а я вытираю подвижные капли пота.
Поедешь со мной. Сегодня зарезан петух,
потому что запел до рассвета. Приметы. Приметы.

В газетах — буквы и гнусные фото.
Нет у меня для тебя подарка.
В соседней комнате лежат вещи умершей,

но всё же поедешь со мной.

Небольшие проблемы с памятью

Итак, надо уточнить, что же на самом деле случилось
с безногим
оловянным солдатиком (балерина упала
в огонь? и сгорела? а он что? как они оказались в огне?
был ли это магазин игрушек? или комната ребёнка?)
Уточнить, проверить, отсюда мне виден корешок книжки,
но я не встаю (крыса спросила: ПАСПОРТ?
ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ ПАСПОРТ? каким образом
солдатик оказался в сточной канаве? а потом в огне?
а что было до этого?
и какой она была? немой? равнодушной?
не любила его?) Уточнить,
только не теперь. Дождаться какого-то
специального момента. Я не помню — он там стоял?
смотрел на неё? а она? что с ней? она там стояла?
и смотрела на него? или, быть может, вообще
его не видела? не знаю. не знаю концовки.
Пока что мне достаточно той влюблённой настойчивости,
с которой я ко всему этому приглядываюсь.

Посмертная корреспонденция

Итак, в какой-то степени я не был тебе верен.
Мир существовал, а это отвлекает. Я просыпался
и жил, двигался, ел, разговаривал,
пил вино и играл в людские игры, ездил
поездом и позировал перед камерами, отвлекался,
прости.

Итак, в какой-то степени я не была тебе верна,
чем-то была занята в других городах, с другими
людьми, кроме тебя, у меня были времена года,
животный мир, деревья, войны, дети, большое
жизненное пространство. Лишь теперь я останусь с тобой,
прости.

И теперь всё будет? Ничего не будет.
Шляпы и крыши, кроны деревьев, высоты,
шоссе и железнодорожные пути, реки —
всё расплывается перед твоими глазами.
Я позволила себе
кое-что дописать на твоей открытке,
прости.

Смерть

Собака, ласка или иная сволочь
однажды ночью разорвала в саду всех моих кроликов,
кочки шерсти на кустах малины
и ошмётки внутренностей — очевидно, несъедобные, —
странные штуковины, поддерживавшие жизнь.

Погибли Одиссей и Пенелопа, погиб молодняк
вместе с самым большим из них — Телемахом
(прочие погибли безымянными,
мне не хотелось плодить мифологию,
и они умерли под своими кроличьими именами,
я подарил им свободу).

Я подарил им свободу, разрешил
убегать из клетки. Вечерами, разглядывая их уши,
торчащие в зарослях одуванчиков,
и слушая топот под деревом — я собирал
кроликов по одному и нёс их, трепыхающихся.

След
на грядке

глубокий и неровный, теперь
уже могу о нём рассказать: след

на грядке, кочья светлой шерсти
на кустах, на тропинках, крыса в кроличьей клетке,

след
на грядке, глубокий и неровный.

След на грядке, глубокий и неровный.

М. — Чёрный понедельник

Минута, когда одновременно загораются все
уличные фонари в городе. Минута, когда ты произносишь
это своё непостижимое «нет», и я сразу теряюсь, не зная,
что делать дальше: умереть? уехать? не обращать
внимания?

Солнечный миг, когда я разглядываю тебя из окна
автобуса,
у тебя совсем другое лицо, нежели когда ты знаешь,
что я смотрю на тебя, —
а сейчас ты меня не видишь, глядишь в никуда, в сияющее
стекло, за которым, вроде бы, я. Уже не я, уже не со мной,
не так и не здесь. Может случиться всё, что угодно,
поскольку всё, что угодно, случается. Всё определяют
три основные позиции: мужчина на женщине,
женщина на мужчине, либо то, что сейчас, —
женщина и мужчина, разделённые светом.

**Из книги
«37 СТИХОТВОРЕНИЙ
О ВОДКЕ И СИГАРЕТАХ»**

Простой и позитивный

Я не в восторге от такой разновидности смерти.
Звонок в дверь убивает меня, по крайней мере, на время
этого визита, хотя потом ещё жить и жить.
Всякий раз думаю, что это позитивно настроенный
почтальон с приличным денежным переводом,
или что-то в таком же духе. С каждым чёртовым
разом наивно думаю — ведь люди здесь были
совсем недавно, на прошлой неделе — и было бы слишком
подозревать их в такой нехилой
жестокости, наивно думаю, открываю.

Открыть. Поговорить. Блядский экуменизм.
Немереное количество сигарет. Нужно, увы,
за что-то держаться. Разговаривать. Нужно что-то сделать
с губами и руками. Для чего-то ведь я погибаю здесь,
на передовом посту. Как-то держит меня на плаву
стихотворение,
стихотворение-женщина, стихотворение-ребёнок,
стихотворение-я, стихотворение-мир
и стихотворение-тот свет. Разговаривать.

Обмениваться всем:
понедельником и декабрём, обедом, газетой.
Выйти на свежий воздух, выйти на баррикады
трамвайных остановок, магазинов, баров, автострад.

Открыть. Поговорить. Хорошая перспектива.
Простая и позитивная. Контакттировать.
Говорить, стиснув зубы. Зачем-то я здесь.
В себе не нашёл я ответа. Нет.

М. — в дороге

Это место — нейтральная территория.
Эта кровать ни моя, ни твоя.
Нечего вспомнить об этом месте
ни тебе, ни мне. Невозможно
обозначить здесь наше присутствие.
Следы на простынях будут отстираны,
мусор — выброшен.

Это место — нейтральная территория.
Сложный рельеф, так что никакие военные действия
нам здесь не светят. Отбой
на сегодня и на завтра. Временное
прекращение огня. Что дальше? Дальше остаётся
заниматься любовью, иначе не продержаться нам
ни эту ночь, ни следующую.

У нас ментальность гостиничных постояльцев,
и вроде бы легко привыкаешь
к случайной мебели, к случайным телам.
Однако я выбрал именно твоё тело,
и это всё, что можно отыскать, пройдя сквозь него
(я сейчас говорю за себя, я не имею права знать,
что ты в эту минуту...) — пройдя с силой, но без отчаянья.

У нас ментальность гостиничных постояльцев,
но у нас есть при себе и персональные
мелочи: зажигалки, пачки сигарет,
ключи и карточки с номерами каких-то
нездешних телефонов, билеты, деньги,
у тебя свои женские предметы первой необходимости,
у меня — крошки табака в карманах. И хотя

часто мы похожи друг на друга,
всё-таки мы очень разные, разные в смысле пола,
смерти и мелочей. Съезжаем завтра.
Забываю забыть.

Запутывая следы, в апреле

Брожу, запутывая следы. Оставляю их повсюду.
В кармане опять совершенно ненужный ключ.
Не хочу и не могу жить на вокзале,
на улице, под мостом, в машине, в отеле.
Не хочу туда. Слишком далеко зашёл.

Никто не преследует, никто не идёт за мной.
Это я отбрасываю эту тень. Брожу,
запутывая следы, между местом, где меня уже
нет, и местом, где меня ещё нет
— и до конца неизвестно, окажусь ли я там вообще.
Запутываю следы.

Моя куртка осталась в доме, которого нет.
Сегодня я спал в том доме, которого ещё нет.
Ты дала мне утром — перед тем как я вышел в дождь —
ключи от того дома, и это ещё смешнее.
Короче, как ты себя чувствуешь? В порядке. Благодарю.

Еле передвигаю ноги. Сам виноват.
Бреду через дождь с двумя комплектами
ненужных ключей. Так грустно, что даже
не до стихов. Брожу, шатаюсь,
скитаюсь, запутывая следы. Один. Никому не нужный.

В никуда, с ключами, сквозь дождь, в мокром свитере,
очертания утеряны, сломан язык.

Вне графика

Около трёх ночи — сразу после скандала
с хватанием за воротник, нанесением царапин
и синяков, обычное дело — как всегда,
по его вине, а по чьей же ещё, никого здесь нет,
кроме него, эх, бесконечно виноватого — внезапно
он обнаруживает себя идущим по каким-то
железнодорожным
путям.

Бродяжья злая кровь, грязь, лицемерие, измена,
отвращение, ненависть, конечно, это всегда
было с ним, потому что он не умел любить, говорил
люблю, а
не умел любить, пришёл год назад с рюкзаком
и уходит с рюкзаком, ничего не оставив,
кроме пустоты, пустота переносима,
можно поставить её в угол, потом вынести, оставить
на железнодорожных
путях.

Короче, он сам себя находит на рельсах,
никаких, абсолютно никаких
намёков на самоубийство, ночь, оранжевые
огни, в тот момент он почувствовал себя поездом
с сотней вагонов, эшелоном, что
идёт вне графика, лириком-извращенцем,
который не может без трагедии, и, если
её нет, он спровоцирует её, придумает —
вне графика.

Urbi et orbi

Пасха-94 разнится от прочих.
Пасха-94 застаёт нас на
Грюнвальдском кольце, на остановке, напротив
дождя, большого неба, большой реки
напротив.

Это наш выбор. Больная, неполная семья.
Ты да я — и плод нашей жизни.
Больные, ущербные, без определённого
места жительства —
не считая этих стихов.

Избыток пространства. Огромный зрачок
смотрит на нас в упор. Мачек пытается выбраться
из коляски прямо в лужу,
яростная борьба с Мачеком.
Мутная Висла и мутный свет.

Блёклые, до безобразия разноцветные,
так и мозолят глаза. Три живых факела,
отовсюду заметные, яркие.

Место преступления

Сколько адреналина на халяву, серьёзное дело.
Лужи адреналина, адреналиновый
свет. На сцене дом сам себя строит
из бутылок и сигарет. Приятного мало.
Да и не нужно, чтобы было приятно.
Дом строит сам себя, стоя перед микрофоном,
болтая, выставляя на продажу язык.
Если что-то и имеет привкус адреналина,
то это моя слюна, безусловно.
Словно я зову кого-то,
высунувшись из окна.
Место есть, жертва найдётся.

Зонтики

Я что-то говорю.
Что-то говорю.
Что-то говорю, но хотел бы,
чтобы всё само разговаривало,
само происходило,
само начиналось,
само заканчивалось.

Я что-то говорю, а в голове
у меня старые номера
телефонов,
неактуальные адреса,
полным-полно
грязных
ругательств.

Ладно,
иди без зонтика,
мокни.

Всё остальное
никуда не денется,
как номер телефона
на спичечном коробке...

Оплёванный

Когда-нибудь этот город будет принадлежать мне.
Пока что гуляю. Пока что смотрю.
Пока что точу свой нож.
Надеваю-снимаю кастет.

Оплёванный. Оплёванный.
Плюнули мне на спину.
Я не в курсе — хожу по городу.
Хожу по городу:
Планта,
Шевская,
Рынок.
Хожу по городу:
Рынок — Шевская — Планта.
Оплёванный. Оплёванный.
ОПЛЁВАННЫЙОПЛЁВАННЫЙОПЛЁВАННЫЙОПЛЁВАННЫЙ

Когда-нибудь этот город
будет принадлежать мне.
Пока что гуляю, смотрю.
Пока ничего.

Когда-нибудь
по реке Висле
придёт
корабль пиратов,
с пятью мачтами,
двадцатью пушками.
Они спросят:
— Кто здесь Светлицкий?
А я тогда встану
посреди Рынка
и буду командовать:

— Этого. Этого. Этого.
Этого. Этого. Эту.
Этого убрать.
Эту ликвидировать.
Этого. Эту. ВСЕХ!

Краков и Новая Гута.
Содом и Гоморра.
Из Содома в Гоморру
ходят трамваи.

Хожу по городу.
Хожу по городу.
Оплёванный.
Оплёванный.
Оплёванный...

Касабланка

Нелюбимый не предаёт.
Нелюбимый бродит,
звеня в кармане
никчёмным ключом.

Из подворотни выглядывает старик,
подозрительно похожий на Богарта.
«Целюсь прямо в твоё сердце, сынок!» —
«Ты же знаешь, это у меня самое нечуткое место».

В соседней подворотне нашли
семидесятилетнюю Мэрилин Монро.
Она только и успела прохрипеть:
ПУ ПУ ПИ ДУ.

«Кто Вы по национальности?»
«Пьяница.
Внебрачный сын
Богарта и Мэрилин Монро.
Это я
убил Лору Палмер».

И довольно об этом.

Господин Трактор

Не разрешать
ничего.

Запретить
всё.

Ввести
комендантский час
с пятнадцати тридцати.

Не разрешать
ничего.

Запретить
всё.

Между мной и тобой
положить
полицейского.

Не разрешать
ничего.

Запретить
трактор.

Запретить
мужчину.

Запретить
женщину.

Запретить
дом.

Запретить
трамвай.

Запретить
яйцо.

Запретить
всё.

Рог из слоновой кости

Я увидел свет,
потому и пришёл.
Позвонил, и ты открыла.
Я не пришёл разговаривать,
не пришёл ссориться,
не пришёл продолжать
извечную войну. Я
пришёл заниматься любовью,
пришёл заниматься любовью.

Один нож уже в моей спине,
и нет там места
для прочих.
Я пришёл заниматься любовью.
Отпадает дилемма:
чай-кофе. Я
пришёл заниматься любовью,
пришёл умирать.

Увидел свет,
потому и пришёл.
Позвонил, и ты открыла.
Я не пришёл разговаривать,
не пришёл убеждать,
не пришёл собирать подписи,
не пришёл пить водку.
Я
пришёл заниматься любовью,
пришёл умереть.

McDonald's

Нахожу след твоих зубов в чужом городе.
Нахожу след твоих зубов на своём плече.
Нахожу след твоих зубов в зеркале.
Порой чувствую себя гамбургером.

Порой чувствую себя гамбургером.
Торчит из меня салат и течёт горчица.
Порой я до смерти похож
на все остальные гамбургеры.

Первый слой: кожа.
Второй слой: кровь.
Третий слой: кости.
Четвёртый слой: душа.

А след
твоих зубов
глубже всего,
глубже всего.

М. — убийство

А она лежит с ножом в спине.
Ноги на паркете, остальное на ковре.
Слегка скорчившись. Такие дела.
Крики. Свидетели, словно рыбы,
которых только что научили говорить.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Убийца спокойно идёт коридором.
Открывает дверь и выходит в сад.
Проходит по клумбам. Выходит из калитки
на улицу. Садится в трамвай.
Едет в трамвае, едет, читая газету, доезжает до кольца.
Заходит домой. Поворачивает ключ в замке.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Ноги на паркете, остальное на ковре.
Слегка скорчившись. Такие дела.
Крики. Свидетели, словно рыбы,
которых только что научили говорить.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Потом встаёт, отряхивается.
Надевает камуфляж, вешает на плечо карабин.
Выходит на улицу, выкатывает гаубицу.
Садится в трамвай.
Едет в трамвае, едет, читая газету, доезжает до кольца.
И стучит ему в дверь.

Хенрик Цветик

Хенрик Цветик водил дружбу с чуваком, изображённым
на иконе.

Других приятелей у него не было.

Он возвращался домой — заваривал чай,
и тогда тот чувак сходил к нему прямо с иконы.

И они разговаривали. Хенрик Цветик рассказывал
обо всём, что случилось с ним за день, — а святой
молчал и святыми глазами смотрел на Хенрика.

Хенрик Цветик водил дружбу с чуваком, изображённым
на иконе.

А с кем он ещё должен был дружить? Ну не с ксёндзом же,
что раз в год заглядывал к нему на Рождество.

А с кем он ещё должен был дружить? Не с почтальоном же,
что раз в месяц приносил ему пенсию.

Хенрик Цветик...

Хенрик Цветик водил дружбу с чуваком, изображённым
на иконе.

Однажды вернулся из города — заварил чай.

И тот святой сошёл к нему с иконы и сел за стол,
а почтальон не пришёл и пенсию не принёс.

На следующий день почтальон опять не пришёл.

Хенрик Цветик подходил к дверям поминутно.

Неделя прошла — почтальона всё нет.

Хенрик Цветик сказал чуваку с иконы:

— Я до сих пор не просил ничего у тебя.

Знаю прекрасно, что ты способен на многое.

Я до сих пор ничего у тебя не просил,

а теперь вот прошу, дай мне немного займы.

Хенрик Цветик...

Святой чувак долго молчал и смотрел святыми глазами на Хенрика — Хенрик Цветик вновь попросил взаймы. А чувак поднял палец, глянул на Хенрика и сказал:

— ЛЮБОВЬ...

А сейчас камера покидает квартиру,
и виден до ужаса чёрный микрорайон,
и видно чёрное небо — и на чёрном небе
БОЛЬШОЕ И БЛЕДНОЕ УЖАСНОЕ СЕРДЦЕ.

Неподсаживаемый

Ну, представьте себе:
март или апрель
(ну... скорее, март), вечер.
Встречаю И. П., он пьян, как
свинья, а я трезв,
как свинья. Идём пить кофе.
Он — между морем водки и возвращением домой.
Я — между ссорой
с одной бабой и разговором с другой,
который, быть может, тоже закончится ссорой.

Итак, сидим в баре
(даже если напрягусь, не вспомню, в котором).
Он — пьян, как свинья. А я трезв, как
свинья. Пьём этот кофе,
и вдруг он, показывая на каких-то двух тёлочек
за соседним столиком, предлагает к ним
подсесть, а я говорю: оставь меня
в покое, я не хочу.
Ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.
Ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.

Между ссорой
с одной бабой и разговором с другой,
который, быть может, тоже закончится ссорой.
Ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.

Ладно, проехали. Болтаем о том, о сём.
О литературе, может быть, даже
о бабах. Начинается дождь.

Он неплохо держится,
хотя и пьян, как свинья. Я тоже неплохо держусь,
хотя, как свинья, трезв.

И опять он — показывая на тех двоих, говорит:
смотри, как всё хорошо складывается, их двое и нас двое,
давай, подсядем к ним. А я, я говорю: не хочу,
нет, ну его,

ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.

Ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.

Между ссорой
с одной бабой и разговором с другой,
который, быть может, тоже закончится ссорой,
мне не хочется.

Ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.

Так иногда бывает,
что я неподсаживаемый.

Так обычно бывает,
что я неподсаживаемый.

Сижу один за столиком
и не хочу к вам подсесть,
даже если вы мне киваете.

Ебал я всё это, я сегодня
неподсаживаемый.

Вэн Моррисон, Джим Моррисон, Патти Смит и Джими Хендрикс прикалываются

Это история из середины
шестидесятых.

Красивая девушка

и толстый мужик

в доме толстого.

— Ну, и чем ты занимаешься? — спрашивает толстый,
она

снимает свои рыжие колготки, толстый,

пуская слюну, спрашивает: — Сколько

тебе лет, в какую школу ты ходишь, как

тебя зовут? — Эх, нет у нас

времени.

Давай сделаем это по-быстрому. Иисус

умер

так рано, едва проснувшись.

Давай сделаем это по-быстрому.

Красивая девушка и толстый

мужик

в доме девушки.

Отец на работе, зашибает бабки,

а мать отправилась их тратить.

Красивая девушка бросает ключ на стол.

На стене висят Мао, Мерилин Монро и

детское фото. — Как

тебя зовут? Как тебя зовут?

— У нас нет времени. Через минуту

они вернутся.

Давай сделаем это по-быстрому.

В ночном такси, отвернувшись
к мокрому оконному стеклу,
она вдруг говорит: — Гэ
— эЛЬ —
О — эР — И — Я, она сказала: — Гэ
— эЛЬ — О — эР — И — Я, она сказала:
ГЛОРИЯ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

I wanna be your dog

Нет больше мира.
Кончился.
Нет больше времени.
Кончилось.
Нет больше цели.
Кончилась.
Нет больше смысла.
Кончился.

Я хочу быть
твоим псом.
Я хочу быть
твоим псом.
Я хочу быть
твоим псом.
(Ну, давай.)

(здесь идёт соло на гитаре)

Последняя передача последнего радио
кончается гимном
погибшей страны.
Сейчас, когда мы остались одни,
можем делать это
на газетах, на знамёнах,
на знамёнах, на газетах.

Я хочу быть
твоим псом.
Я хочу быть
твоим псом.
Я хочу быть
твоим псом.
(Ну, давай.)

Уже, сейчас

Они уже достали, честное слово.
Спускаюсь за какой-то фигнёй в подвал. Дышу.
Один ключ, надо запомнить, какой именно.
Второй ключ, блин, забыл включить свет.
В такой темноте, блядь, можно...
Пошарил по холодной стене, о, ну вот и попал.
Вхожу в эту тёмную влагу.
Там, в углу всё гниют довоенные санки.
Спустился зачем-то сюда, стою и дышу глубоко.
Эти, там, наверху,
достали уже. Болтают, дают имена, жаждут.

Покрась это в какой-нибудь цвет

Первомайскую демонстрацию я начинаю сразу
за дверью — маршрут неясен,
я сбиваюсь с пути среди неконкретно зелёных
зарослей рядом с Вислой, что течёт прямо в море.

В конце концов наверняка попаду на улицу
Коммандос — а пока что пытливо и дотошно
разглядываю Вислу, замечая её морщины
и наполненные водой следы ботинок
на самом дне.

Входи, гвоздик

Светает, сказали птицы.
В полдень я перешёл через мост.
Не смотри, говорю, река.
Если покойники заставляют писать стихи,
пусть эти слова будут вынужденными.
Глухонемая вслепую мечется там и тут.

Утечка

Велосипедисты, что проезжают мимо по ночной тропке,
узнавая меня и оставаясь неузнанными,
отчаливают прочь, и я наверняка никогда не узнаю,
так же как никогда не узнаю
и о.

Кто-то приходил и спрашивал тебя, кто? Я не могу
его описать, мужчина ли, женщина ли, кто-то был,
не оставил записки.

Я вышел утром, сел и поехал.
Где-то должно быть то дерево.

**Из книги
«ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА»**

Первый раз проснулась спокойной,
без чувства гадливости.
Вчера была с ним, это его постель.
Мне всегда неловко в таких ситуациях,
сразу хочется принять душ,
почистить зубы и свалить.
А сегодня какой-то странный покой на душе.
Отбросила одеяло, смотрю.
Нет, тут дело явно не в нём.

Блин,
неужто померла?

30 апреля 1994 года

Ещё вечер, ещё Польша не сгнула в сумерках.
Ещё апрель, но уже в темноте притаился май.
Есть ещё водка, полезная, сладкая, с привкусом драмы.
И остался язык — язык остаётся всегда.
Даже трупы как-то ещё ворочают языком.
И ещё остаётся прошлое, бывшие встряски
и горести, что вспомнились только сегодня,
прилетевшие из вчера, пожелтевшие, тёплые,
сладкие, мягкие, липкие. Кругом одни прилагательные.
Среди них — личное имя существительное,
что в срочном порядке, с каждой секундой
приходит в себя.

Ночь с августа на сентябрь

Уже, кажется, сентябрь. Рассвет заморочил мне голову.
Свет прямо в глаза. На моём теле ни одной наколки.
Поди пойми, кто я на самом деле. Ни пароли,
ни инициалы, ни символические ассоциации
ко мне не подходят, так что поди разберись,
кто я на самом деле. Мир не предлагает
ничего, кроме блеска. Я двигаюсь,
как стрелка часов, — по кругуё вверх,
вниз, в тишине, в унылом сиянии. Мир не предлагает
ничего, кроме блеска. Предметы исчезают.
Держусь за сигарету, чтобы не потеряться.

Блокнот агитатора

Женский род: пятка, нога, рука,
печень, задница, шея, голова,
поджелудочная, губа, селезёнка.

Мужской род: палец, зуб, позвоночник,
ноготь, пенис, волос, язык,
нос, кишечник, желудок.

Средний род: плечо, ухо, бедро,
колени, небо, лёгкое, горло,

сердце.

Вход

Чьё это окно? Чей это дом, я знаю.
Знаю во сне. Если проснусь — забуду.
Если сосредоточусь — разберу фамилию
на далёкой табличке, что украшает калитку.
Просто убедиться. Во сне допускаю,
что я в курсе. Но чьё же окно?
Всего одно, светящееся мутным жёлтым светом.
Во сне чувствую, что в эту минуту за этим окном
идёт сотворение мира. Что маленькая девочка,
худенькая и светловолосая, достаёт из коробочки
очередную деталь. Чьё это окно? Сплю
и вижу, вроде бы. Во сне лает собака.
Самолёт блестит белым брюхом. Где
я. Я существую. Во сне. А что мне ещё остаётся?
Несколько километров. Пара недель. Придёт и отомстит.

**Из книги
«ПЕСНИ ПРОФАНА»**

Ещё о варварах

Поскольку мы знаем, что они всё же придут на эти земли, не принадлежащие ни им, ни нам, то наши покупки, совершаемые в эти дни, это дело временное (четвертинку черного, пожалуйста).

Решены проблемы со стариками. Можно больше не здороваться с ними в магазинах, на улицах. Хватит. Мы забросили все наши прежние игры, сидим, сосредоточены, как часовые.

Ждём. И не кормим больше животных. Ждём и ждём того дня, когда наша слабость подтвердится и восторжествует.

Новая песня иммигранта

Тепло встреченному, накормленному,
обласканному и усаженному в кресло,
оставшемуся здесь на ночь,
иммигранту не уснуть этой ночью.

Путешествие было беспокойным,
никаких тебе экскурсий и сувениров,
чемоданы отплыли в страну безнадёги
и всё ещё плывут.

Рассвет начнётся за завтраком, съедаемым второпях.
А пока что — диван дрейфует, в ванной плещут
волны, нарезают круги межконтинентальные трамваи,
ветром приносит билет.

Линии границ становятся всё шире.
И каждая упирается в столицу.
Диван взят меридианами в скобки.
Рассвет начнётся за завтраком, съедаемым второпях.

Камера обскура

Свесил голову с подоконника.
Люди в красных и чёрных свитерах.
Некоторые так далеко, что расцветки не видно.
Ноги вверх, они важнее голов.
В центре неба — квадратный газон.

Всё-таки приятно возвращаться домой.
По-новому расставлять старую мебель.
Понять, что некоторые вещи нам не дано изменить.
Висеть и знать. Неуловимое тепло
приближается — это вошла ты.

Песня профана

Телефонов, жетонов, близнеца-брата,
матери и отца, нетребовательной,
красивой и умной жены, постели и церкви,
детей, кухни, каникул, ванны и прошлого,
будущего, а также мук совести —
этого нет у любви.

Чёрный июль

Теперь я занимаюсь изучением шифров. Вторник, среда,
четверг,
пятница. Фрагмент субботы. Таков
сегодняшний день. Мрачный понедельник.
Птицы диктуют свои законы. Официальный птичий язык
различим среди тающей ночи.

Побриться, чтобы был
хоть какой-то порядок. Не пить.
Просохнуть. Попробовать уснуть.
Выбритый, он засыпает и выключает свет.
А вокруг день. Тени — исчезают.

Выбритый и тугой на ухо,
он засыпает в эпицентре света
и уходит в сон —
за свежей почтой.

Извинись

Я оживляюсь только если думаю о себе.
Я оживляюсь только если думаю о себе
в тебе. (Извинись!)

Когда-то всё было по-другому, было намного лучше.
Когда-то всё было по-другому, было намного лучше —
перед моей великой войной, на которой я погиб.
И назад пути нет. (Извинись! извинись!)

Я оживляюсь только если думаю о себе.
Я оживляюсь только если думаю о себе
в тебе. (Извинись!)

Скажем, так: маленький отель.
Скажем, так: маленький, дешёвый, грязный отель.
Скажем, так: где-нибудь в Тчеве.
Всё в голове, и больше нигде.
(Извинись!)

А

сейчас

отвернись-ка к стене

и спи.

А

сейчас

отвернись-ка к стене

и извинись,

извинись...

Дрессура

В Освенциме у меня начала съезжать крыша. Пять часов блуждания на грани безумия. Крыша у меня начала съезжать в Освенциме. Спрятавшись во вьетнамской кафешке (ПРЕДЛАГАЕМ ТАКЖЕ БЛЮДА ПОЛЬСКОЙ КУХНИ), я выкурил полпачки сигарет Кэмел (хотелось бы, чтобы эта фирма наконец обратила внимание на мои усилия) (пока не поздно). Поскольку крыша у меня начала съезжать в Освенциме. Номерок из гардероба, идиотская шутка судьбы: сорок и четыре.

Пять религиозных стихотворений

1

Мартик Светлицкий говорит:
я знаю, этого дядю
его папа убил.

Целый Новый Завет
в одном предложении.
Что дальше?

2

Мартик Светлицкий знает ещё и про ад.
Кто-то ему рассказал.
В ад попаду я, папочка.

Не попадёшь. Я плохой.
Знаю, что попаду. Нет. Знаю, знаю.
А помнишь, как я тебя пнул? Помнишь?

3

Праздник Тела и Крови Христовых,
пол-Рынка, три четверти Рынка
заполнено верующими. Я тоже чему-то верен,
чувствую себя, как дома.

4

Если правда,
что моими устами вещает дьявол,
— сжалится Бог
и вырвет язык мой грешный.

5

Расступаются воды,
обнажая холм с разбойниками,
повешенных головами вниз.

Обнажая небо,
полное серых растений.

Отметины (одна из многих версий)

Ну. Представьте себе:

вторая половина восьмидесятых.

(Почему бы не вторая половина восьмидесятых?

Почему бы и нет?)

Месяц — скажем так — декабрь.

С утра ещё стояла весна.

После обеда спустились сумерки.

Ну. Представьте себе:

мужчина в своей загаженной квартире.

Женщина на лестнице.

Вечно эти истории о мужчинах и женщинах. Вечно.

(Почему бы не истории о мужчинах и женщинах?

Почему бы и нет?)

Он в своей загаженной квартире курит сигарету.

Она стоит на лестнице и стучит в дверь.

Он в тёмном коридоре, колеблется.

Она поправляет причёску.

(Почему бы ей не поправить причёску?

Почему бы и нет?)

И он открывает дверь, и

видит её, и

стискивает зубы.

И сквозь зубы спрашивает, поскольку он

хорошо воспитан: — Выпьешь кофе?

А она: Да, да, — отвечает. Отвечает: — ДА, ДА!

(Почему бы ей не выпить кофе?

Почему бы и нет?)

Он стоит на кухне. Она в комнате.

Он наливает воду в чайник. Передумывает

и выливает часть воды. Быстрее закипит.

Он чиркает спичкой,

зажигает газ под чайником. Она в комнате.

Она ждёт. Он курит сигарету. Она не сняла плащ.
Она стоит и ждёт. Он завис
над чайником.

Он обращается к воде в чайнике.

Обращается так:

СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.

ОНА ВЫПЬЕТ И УЙДЁТ.

СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.

ОНА ВЫПЬЕТ И ПОЙДЁТ СЕБЕ

ПРОЧЬ.

У меня нет телефона.

У неё нет телефона.

Я поменяю замок.

Выключу домофон.

Выброшу ключ. Съеду.

СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.

ОНА ВЫПЬЕТ И ПОЙДЁТ СЕБЕ

ПРОЧЬ.

Ну. Представьте себе:

вторая половина восьмидесятых.

Тогда происходили такие вот мрачные

истории. Она стоит в комнате,

не снимая плащ. Трогает

его вещи, которые

никогда не будут принадлежать ей.

Он на кухне. Курит сигарету.

Сигареты оставляют отметины на его губах.

Он стоит на кухне. Трогает чайник...

Чайник холодный.

Трогает снова.

Он наклоняется, смотрит. Огонь горит.

Вроде бы всё в порядке.

Он проверяет. Чайник холодный.

Так что

он обращается к воде.
Так что:
СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.
ОНА ВЫПЬЕТ И УЙДЁТ.
СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.
ОНА ВЫПЬЕТ И ПОЙДЁТ СЕБЕ
ПРОЧЬ.
У меня нет телефона.
У неё нет телефона.
Я поменяю замок.
Выключу домофон.
Выброшу ключ. Съеду.
СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.
ОНА ВЫПЬЕТ И ПОЙДЁТ СЕБЕ
ПРОЧЬ.

Ну. Представьте себе.
Проходит пара часов.
Она уснула в кресле, так и не сняв плащ.
Выглядит при этом потрясно.
(Почему бы ей так не выглядеть?
Почему бы и нет?)
Он стоит на кухне и смотрит без сил.
Смотрит без сил на чайник.
Сигареты оставляют отметины на его губах.
Эти истории оставляют отметины на его сердце.
(Почему бы им этого не делать?
Почему бы и нет?)
Она в комнате. Он на кухне.
Он трогает чайник.
Курит сигарету.
СУКАБЛЯДЬ, ДАВАЙ, ЗАКИПАЙ.
ОНА ВЫПЬЕТ И ПОЙДЁТ СЕБЕ
ПРОЧЬ.

Вторая песня профана

Как животные.

Без телефона.

Без тачки.

Без стыда и совести.

Без ноутбука.

Как животные.

Не отличая секс от любви.

Не отличая кардинала от премьерера.

И всего-то амбиций: поспать бы

в тепле.

**Из книги
«ВОЗВРАТУ ПОДЛЕЖИТ»**

Целование

— a love supreme —

(Колтрейн)

Целуюсь с микрофоном.
Чмок. Чмок. Целуюсь
с микрофоном.
Потому что любовь существует.
Любовь über alles.
Нужно чем-то занять рот.
Нужно чем-то занять свою совесть.
Кладу микрофон на язык.

Целуюсь с микрофоном.
Чмок. Чмок. Чмок. Может быть,
это высшая форма
любви. Быть ближе
к бодрящему оголённому проводу.
Потому что любовь существует.
Любовь über alles.
И не видеть, как ты танцуешь.

Стоять прямо. Без устали.

Приголубивание

До чего же впечатлительный
я с бодуна.
В таком состоянии, ясное дело, даже реклама
доводит до слёз.
Кожа становится тоньше,
руки нежнее,
взгляд теплеет,
а сердце тает.

Но она хочет чаще.
Но она хочет больше.
Но она хочет ещё
нежнее, душевней.

И солнечный свет
блуждает липкой пчелой
по разным предметам,
телеэкранам, проигрывателям,
обложкам пластинок, книгам.
Окна открыты настежь.
Зовёт во весь голос весна,
словно мать-истеричка.
Очень душевный
и нежный
я с бодуна.

Но она хочет горячѣй.
Но она хочет изящней.
Но она хочет, чтобы я
избил её нежно.

А потом — раз,
и встаёт огонь,

и солнце бледнеет,
и голова огня
возвышается над всем этим.
И снова — раз,
лопнувший аквариум
и тёмная комната.

Бритьё

Несколько дней пребывал во грехе, теперь настала пора неловких попыток искупления, чтобы вызволить душу и тело из преисподней. Сажусь перед зеркалом, размазываю по щекам пену.

Руки дрожат. Придержал дрожащую руку другой рукой — хватит дрожать, говорю. Потом проделал то же самое, только наоборот. Через жалюзи просочилась тень.

Соскребаю станком с лица старость и смерть, ненадолго, до вечера максимум. Ладно, ещё поглядим. Ещё поглядим.

Враньё

БРЫЛЕВСКОМУ

Лжёт рассвет.
Лжёт алкоголь.
Лжёт саксофон.
Троллейбус лжёт.
Большое предательство.
Большое предательство.
Мы остались одни.

Мёртвые только
не лгут.

Охмурение

Я люблю тебя, люблю. Навязчивая мантра,
на которую даже Бог положительно реагирует, но и —
но и людей светских она полностью устраивает.

Я люблю тебя. Тогда наверняка угостят бутербродом.
И так легче валять дурака. И обслужат по первому классу,
если ты скажешь: я люблю, я люблю тебя.

Я люблю тебя. Даже если кого-то убьешь
и, стоя над трупом, скажешь: я люблю тебя,
станет легче тогда, станет легче. Люблю тебя.

Говорю — я люблю тебя.
Целый мир возвращается.
Спит со мной.

Ничего неделание

Не ходи на работу.
Не ходи на работу.
Это дьявол рассылает мейлы.
Это дьявол выдаёт дипломы.

Не ходи на работу.
Не ходи на работу.
Это дьявол даёт тебе отпуск.
Там тебя ждёт ничто.

Ничто.

Ничто в большой шапке,
шапке-невидимке.
Это ничто.

Не выходи на лестницу.
Не выходи на улицу.
Там тебя ждёт ничто.

Ведь это ничто.

Не ходи на работу.
Спрячь лицо в подушке.
Не ходи на работу.
Там затаилось ничто.

Это ничто там заправляет.
Ничто ненавидит.
Ничто.
Ничто.

Не ходи.
Ведь это ничто.
Это ничто.
Ничто.

Курение

Спрашивается, почему это некурящие
сидят без зазрения совести на места для курящих?
Почему хотят доминировать?
Почему вечно ходят в обиженных?

Моя маленькая подружка, сигарета.
Я провёл с тобой больше времени, чем с кем-то другим.
Мы убиваем друг друга
с нежной привязанностью.

Спрашивается, почему это некурящие
не ценят нашего одиночества,
нашей безумной отваги, нашего
зноя, нашего пепла?

Говорение (в конце века)

В редакции «Тыгодника повшехного» зазвонил телефон.

Тр-р-р. Тр-р-р.

В редакции «Тыгодника повшехного» зазвонил телефон.

Опять чёрт меня дёрнул оказаться в неподходящем
месте в неподходящее время.

Тр-р-р. Тр-р-р. Я снял трубку: — «Тыгодник повшехный», —
говорю. В трубке голосом Чеслава Милоша откликнулся
Чеслав Милош.

— Это Чеслав Милош, — сказал он. — С кем я
разговариваю? — поинтересовался.

— Это Мартин Светлицкий — говорю истинную правду
голосом

Мартина Светлицкого.

— Тогда мне кого-нибудь другого, —
ответил Чеслав Милош.

Убивание

Придёшь и убьёшь.
Придёшь и убьёшь.

Ещё не знаешь об этом.
Ещё не понимаешь.
Ещё стоишь в тени.
Ещё стоишь в толпе,

но
придёшь и убьёшь.
Придёшь и убьёшь.

Что пялишься, ублюдок?
Что тебе не понятно?
Придёшь и убьёшь,
только это ты и умеешь.

Для этого ты здесь.
Для этого появился на свет.
Ты для того здесь,
чтобы ко мне присмотреться.

Придёшь и убьёшь.
Тогда и сообразишь,
что убьёшь.

Совращение

В сто раз, наверное, было бы проще,
если бы я ошибался. Но я прав:
ты — самое лучшее место в этом городе,
его центральный пункт.

Когда возвращаюсь в город — возвращаюсь к тебе.
Города просто нет, если
здесь нет тебя. Падают
декорации. Остаётся пепелище. Руины.

Ночью тебя можно найти на мосту потерянных
ключей, перьевых ручек и документов.
Город останется, если захочешь.
Город исчезнет, если захочешь.

Прощание

А был ли я? Если всем моим геройством
оказалась неуёмная тяга
к размножению? А был ли я? Если постоянно
передразнивал простых людей? А был ли я? Может,
выходя из себя, старался задеть других, этим
странным способом пытаюсь доказать,
что существую? Обосновать
иллюзию? И то, и другое?
Существую ли я сейчас, когда говорю «конец»
и питаю надежды? И сейчас, стоя
на остановке восьмёрки, девятнадцатого и
двадцать второго, — двигаюсь ли куда?

**Из книги
«СЛОМАННЫЙ»**

Ложись!

Ничего уже больше не будет зависеть от человека.
Отдадим свои тела в руки ветра.
Отдадим свои голоса завыванию бури.
Отдадим моря океану. Ложись!

Падай в песок и лежи там.
Сколько же там надежд!
Падай в снег, ешь его,
пока не наешься.

Придёт зверь и посмотрит тебе в глаза.
Придёт костлявая.
Мы были первыми, станем последними.
Мы будем первыми. Времени нет. Ложись!

Доминикана

А ещё напиши о том, что ты меня бьёшь, —
раз уж ты обо всём тут пишешь.

А ещё напиши, что изменяешь мне
с химерами. Что замираешь,
и, словно окоченев, часами сидишь
в кресле. И молчишь.

Я отключила мобильник, чтобы было не дозвониться.
Пошла поддержать подружек, они-то
меня никогда не поддержат.

Может, опять подвернётся идеальный материал
для спутника жизни, скажет мне: да брось ты его!

Солнечная Доминикана сводит проблему на нет.
Солнечная Доминикана — это, однако, выход.

Так говорил алкоголь

Ночью я разошёлся в разные стороны,
чтобы проснуться в разных кроватях
чтобы не помнить, что умер. С недавних пор
я ношу при себе запасную пару
носков и сменную футболку, зубную
щётку, всё для того, чтобы не помнить,
что умер, чтобы везде быть, как дома.

Она вдруг обняла меня сквозь сон,
дважды произнесла чужое имя,
так нежно, что я не решился
взять себе это имя, принять эту нежность.
Но умер и вышел оттуда
и дальше иду сквозь пустоту, полную ветра.
Но умер — и когда нахожу

себе место поспать — то крепко вжимаюсь в подушку,
кричу подушке своё мёртвое имя,
кричу подушке своё мёртвое имя.

Ангел / труп

Ты ангел.
Я труп.
Ты правда.
Я говноправда.
Ты ангел.
Я труп.

Ты ангел.
Я труп.
Расскажи, как разговаривают
ангелы с трупами,
тела эфирные
с телами умерших.
Ты чиста,
а я —
после двадцати разводов.
Ты ангел.
Я труп.

Так что можешь себе пойти с тем незнакомым
мужчиной, возможно, это
Иисус Христос, он любит такие
подставы. Иди и не извиняйся!
Все банкноты, к которым ты до сих пор
прикасалась, — твои,
все огни, которые ты видела, —
горят над тобой. Иди и не извиняйся!

Ты
ангел.
Я
труп.

К.

Сегодня мне пришла повестка.
Государство хочет, чтобы я вдруг явился
в соответствующее учреждение.
Государство не просит, государство требует.
Ведь не дождёшься, чтобы
государство просило,
государство требует.
Но я же умер,
я умер.

Я не ходил голосовать
за высших чиновников.
Сам виноват.
Не получал от государства талонов
на водку, сигареты и гречневую крупу.
Не получал облигаций госзайма.
Сам виноват.
Признаюсь, однако,
что нелегально пользовался
общественным транспортом
и услугами почты.
Но я же умер,
а мёртвые сраму не имут.

Иногда по привычке
я бреюсь, борода ведь растёт
и у мёртвых.
Иногда про привычке
вхожу в разных женщин,
могу сделать кому-то ребёнка,
но родятся одни лишь
бастарды-призраки.
Я умер.

Бывает, пишу стихи
и знаю — подобная деятельность
наносит ущерб государству.
Если повестка связана с этим,
оправдываться не стану.
Мертвецам ли оправдываться?
Если мёртвые представляют
угрозу для государства,
если их тоже можно наказывать,
то так тому, очевидно, и быть,
я не могу умереть ещё раз...

Сорок шестой

Ничего интересного, он движется по инерции,
но ничего интересного, среди ночи
не колотит его озноб, механизм
почти безотказный, но эмоции умерли в нём.

Сорок шестой час без сна.
Ночное зверьё на взводе,
бегают мыши, за ними гонится кот,
птицы взлетают. А он совершает движение

вечной любви. Дай ему Бог
новую память и совесть совсем другую.

Какой?

Под дверь, причём дверь чужой, — он звонит
и стучит, а там кто-то двигается. Он
всё стучит. И трезвонит, да так, что
соседка уже собирается
звонить в полицию.
Но в какую полицию?

Он умер, так что какая полиция
теперь имеет к нему отношение?
Он звонит и стучит, хоть и мёртвый.
Какая полиция? С какой стороны дверей?
Кто там стучит в ответ?

Смертельные песни

А вот и мои смертельные песни, любимая, ими легко пренебречь, разновидность стихийных поминок, на которые попадают случайно, любимая, все уже пьяны и не помнят, что оплакивают, любимая, это мои смертельные песни, из кухни в ванную, из ванной в кухню, из кухни в прихожую, любимая, задеть вешалку, полную чёрных одежек, поболтать с плащом, из прихожей добратсьядо комнаты, где звучат голоса, сесть, поднять стакан, разглядывая интерьер, поскольку здесь всегда говорили об интерьере, любимая, это мои смертельные песни об умершем, который сидит вместе со мной в кресле, крутится, любимая, крутится, а никто его не знает, не видит, неизвестно откуда взялся, неизвестно от чего предостерегает, эти мои песни смертельны, пытаюсь разобраться, пою, чтобы врубиться, чтобы его приручить, старею, пока пою, любимая, становлюсь уродливым, гадким, а он по-прежнему мёртвый, но как живой, такой же по-дружески деликатный и молодой, это мои смертельные песни, которые я выкрикиваю на железнодорожных путях, среди снега и ночи, а он идёт впереди меня, вежливо слушает, вежливо, но невнимательно, старею, пока пою, пытаюсь почувствовать его присутствие, замечая только банальную и крикливую, простую и тривиальную смерть, любимая, смерть, а этого слишком мало.

38-я песня о сигаретах

Ну, представьте себе: засыпаю в «восьмёрке»,
измученный предыдущими днями
и ночами, среда, осень,
тоскливо пахнут бледные осины,
что кругом тут повыврастали.

Ну, представьте себе: сплю и вроде не сплю,
в этом сне и не-сне размечтавшись
о девушке, что отучит меня курить,
что отучит меня курить,
и не где-нибудь, а в Варшаве.
Любовь выручает
надёжней всего в Варшаве.

Глянцевые журналы рвать меня будут на части,
все варшавские медиа меня сразу зауважают.
«Это тот, кто нашёл покой, кто нашёл своё счастье
и любовь, она его отучила
от вредных привычек
в Варшаве».

И с варшавской служебной мобилы
буду часто звонить им ночами:
«Не курю три недели, держусь что есть силы,
это может быть только в Варшаве».

А болваны из Кракова пусть себе курят,
пусть их краковский рак пожирает,
нам поможет любовь — это выход.
Чувство чистое
в центре Варшавы.

Похудею и стану красивым.
Вырастут тиражи моих книжек.
Посвежевший, под ручку с ней двину
к новой жизни, всё выше и выше.
Пусть мы с ней не знакомы лично,
всё же это любовь, без подставы.
Важно то, что меня она вылечит
от всего
прямо в центре Варшавы.

38-я песня о водке

В моей квартире нет проблем
с алкоголем, поскольку
я пью в городе.
Пью в городе. Пью от страха,
пью на радостях.
Пью в городе. Пью в сумерках.
И в дни карнавала, и во время поста.
Пью в городе. Пью на свои.
Пью за чужой счёт. Вслепую.
Внимание! Внимание!
Внимание, я иду!
Это я, несу
свой сороковник. Мне не страшно,
ведь я,
скорее всего, здесь не живу.

Голодные души

Разве покойник может накормить
голодных духов? Проваливайте! Не смотрите
на мёртвого. Уже ничего
не узнаете. Он вам не расскажет,
как жить.

Фальстарт

Я — это только то, что я собираюсь сказать.

(между Старым и Новым
заветом есть
зазор, где кроется смысл всего)
(я не хотел
этого говорить)

О, ужасный понедельник!
Слышно, как в сумерках
Нейл Янг и «Crazy Horse»
исполняют песню «Like A Hurricane».

Всегда нужно оставлять какой-нибудь хороший номер
на самый конец.

Вступление к ночи

По земле бродят тени
— серые, они светлее, чем земля,
которая безвозвратно темнеет,
угли костра,
минута, когда мужчины
встают, чтобы его погасить,
женщины отворачиваются,
угли шипят,
что-то движется по земле, днём и ночью,
это последний очаг сопротивления,
который остыл,
удерживая свет.

Ночь

У меня есть книга заклинаний, вот только все слова в ней стёрлись и выцвели. Остались неясные следы, но как-то неловко всматриваться. Давно не открывал, лежит себя в ящике стола. Засыпая, стараюсь представить, как она выглядела изначально.

А ведь были героические времена, когда можно было стоять в эпицентре солнца, в зените полудня, целясь языком в сердцевину, в самую суть. А сейчас просыпаюсь, стоит мне только заснуть. Просыпаюсь, ну и не знаю.

Ищу эту книгу, хотя вот же она, в столе, совсем рядом. Ищу её в памяти. Ищу её в себе. Все конституции, вместе взятые, не сравнятся с ней, они сияют мёртвым огнём, не конституируют.

Я говорю по буквам. Говорю шифром, ключ от которого давно утрачен. Были времена, когда я сам был ключом, сам был шифром. Просыпаюсь, ну и не знаю. Засыпая, был здесь, был где-то ещё.

Спрашиваю:
куда ушла жизнь?

Спрашиваю:
куда?

Люди в автомобилях, люди в предместьях, люди в подъездах, люди в колясках, люди в фотоателье, люди в третьем акте, люди в больничных палатах, люди в

закрытых магазинах, люди в житейских коллизиях, люди в обносках, люди в нужде, на сквозняке, в зарослях, на просторе, люди на демонстрации, люди на выборах, люди на обоях, люди для людей, нет повода выходить из дома.

Спрашиваю:
куда ушла жизнь?

Куда?
— спрашиваю.

Тюфяк возвращается! Великое, высокого стиля, возвращение Тюфяка! Тюфяк, выходящий из поезда идвигающий в центр, в центре он ничего не находит, разве что несколько едва знакомых лиц, настолько неприятных, что надо идти дальше, не подсаживаясь. А я тем временем сплю, и снится мне Тюфяк, блуждающий по городу. А Тюфяк действительно блуждает по городу, только о действительности мы спорить тут не будем. События последних дней полностью уничтожили мои и без того туманные представления о действительности. Вечно возвращающийся Тюфяк. Вечно отклоняющимся маршрутом. Тюфяк возвращается! А я сплю и перебираю ногами во сне.

Хаотичные бессвязные противоречиво неудобные положения тел и душ расклад распад размытый образ это комикс который нужно смотреть с середины вперёд-назад всё плохо начиная с середины

одни лишь чёрные рисунки одни лишь пустые колечки дыма переведи это самому себе это не твой язык это эсперанто по брайлю это ночь и ты не верь тому что я говорю не верь что это говорю я

это говорит радио полночь говорит радио пропасть
говорит радио пустота говорит радио страх
не будет новостей не будет прогноза
погоды будет один однозначный гимн

Утром

Вчера ночью небо должны были осветить
обломки хвоста погибшей кометы.

Но в таком тумане ничего не было видно,
кроме тусклых огней супермаркета.

В последнее время
всё кажется каким-то нечётким.

Придёт конец света,
повздыхает и уйдёт.

**Из книги
«МУЗЫКА СЕРДЦЕВИНЫ»**

Записка

Мартин, я уже сплю,
очень устала.
Дверь не заперта, так что входи,
просто могу не услышать, как ты стучишь,
а не хотелось бы.

Так написано
на листке бумаги,
почерка
уже не узнаю,
листок пожелтел, из какой
он эпохи, не знаю, —
знакома мне только дверь.

Болезненная нехватка непонимания

Они не пьяные. Это иностранцы.
Они просто так разговаривают. На дворе ночь.
Вот они завели мотор.
Отъехали, болтая.
Окно открыто, я слушаю,
как выражается ночь.

Минутный делирий

Всё разбито.
Ничего не собрать.

Огромный болван
на глиняных ногах.

Суп и отбивная.
Овощи, компот.

Идут и беседуют

о
зелёной лесополосе
на горизонте
и спокойном озере
парусе на воде
может ли быть
что-то прекраснее?
может

Просыпаюсь, а лето кончилось

А что мне снилось? Снился профессор Скаржиньский.
Лето кончается. Уходит по-английски.
Заслоняется осенью. Уже бледнеет
загар. Ох, сколько же похорон
было в последнее время! Сколько народу пришло!
Как много было сказано!

Мартин

Мартин плохой и ничего с этим поделать не может.
Мартин во власти греха, и на свободу ему не вырваться.
Мартин не знает ни одного фокуса. Не умеет
заботиться о себе. Заботится лишь о стихах,
чтобы они не помёрзли. Жизнь положил ради этого.
Холит-лелеет эту неформальную, расхристанную страну.
Лжёт ради неё.

Польша 4

Я что-то говорил, думая, что говорю отчётливо.

Я любил, думая, что люблю искренне.

Я верил и думал, что верю истово.

Две перекладыны, камень.

Пусть их поговорят.

Ресторанный декаданс

Ну да, это ресторанный декаданс,
жуткие колыбельные вгоняют меня
в ступор — это моя работа,
моё счастье,
моя надежда.

И пока не появился румяный охотник,
зацикленный на уничтожении
моей расы
(так я всегда представлял себе смерть),
пока он в меня не прицелился,

я буду мурлыкать
жуткие колыбельные,
чтобы мир наконец заснул,
замолчал,
потерял сознание
и больше не причинял боль.

Я летаю

Я не живу там, где жил.
Я не делаю того, что делал.
Я не живу с тем, с кем жил.
Этого хотели, мышки?
Эта автобиография
уже закончилась,
а на новую я совсем
не заработал.

Пока что я летаю как можно ниже.
Ползаю с запрокинутой головой.
Пока что влюбляюсь как можно реже
и как можно несерьезней.
Поджидаю снаружи.

Слабое звено

Однажды тебе уже случилось вырасти,
парень.

теперь ты напиваешься и выделяешься
сам перед собой, чудик,

теперь у тебя миллион баб,
парень,

по пьяни, напрягая память,
набираешь номер, звонишь,

забрав мобилу
у собутельника, звонишь

и говоришь чужим наглым голосом
чужие слова, эх, парень,

когда-то ты был взрослым,
а теперь по ночам

покупаешь себе детство — по чуть-чуть.

Ремонт после смерти

Вообще-то я человек компанийский,
веселюсь, глядя, как выносят из квартиры
любимые вещи. Как можно было всё это
так любить? Вообще-то меня здесь нет,
я даже не вижу, как всё это вытаскивают.
Воображение работает,
так что могу не смотреть.

Малиновый пиджак

И ещё скажу: вы по-прежнему состоите в партии.
Партия заслонила вам весь горизонт.

Партия села вам на плечи и кормится
всем, что вы делаете и с чем сталкиваетесь.

Партия конкретно осела в вашей крови.
Партия прочно держит ваш позвоночник.

И ещё вам скажу: мало просто помыться,
поскольку всё партийное не смоеет даже новейшая
генерация моющих средств.

И ещё вам скажу: если мои чёрные
галлюцинации стоят у вас костью в горле,

это клёво, значит, то же самое
чувствует ваша партия.

Два дня каникул

Закупать на два дня диски, бутылки Джека Дэниелса
(честное слово — секс после Дэниелса куда лучше,

чем после гашиша, — и это не обсуждается),
высокомерное августовское буржуинство,

покупать чёрные футболки, хорошей фирмы, но
уценённые, и слушать, лёжа на полу

в чужой квартире, чудесную глубокую
музыку, а на обед целых два дня есть индейку,

всё на полпути, равнодушный город,
если подашь мне вон то, я взамен устрою

тебе шесть оргазмов, ловлю тебя на слове,
ох, лови меня на слове, лови меня за всё,

не стоит думать о прошлых и будущих
месяцах беды, одиночества, холода,

держи меня долго, держи меня, разбуди меня,
найди меня, верни меня,

два дня, увольнительная из ада, а можно я теперь
проверю свою почту?

в почте тьма угроз и наездов, и как оно — спать
с такой роскошной в таких роскошных?

я мог бы рассказать об этом, но не стану,
двое заспанных августовских буржуев,

ох, Боже, что ты со мной сейчас делаешь, что?
я не делаю с тобой ничего сверх того, что делаешь ты,

это та разновидность сна, которая оставляет следы,
когда ты возвращаешься к реальности, следы

горят, не исчезают, освещают обратную
дорогу, говорят со мной, я повёрнутый,
перевёрнутый.

Музыка сердцевины

Какой душевный покой, мои дорогие, нужен,
чтобы написать о страданиях животных
или детей? Какой покой, мои дорогие, нужен,
чтобы воспеть с помощью простого, понятного
на любом языке, парадокса то,
о чём написали все газеты
на первых полосах? Из какого нужно быть
материала? Наверное,
не из крови, желчи и кости?

Нет
покоя, только
кулак в горле. Только
холодный пот.

Филандия*

Никогда не будет такого лета.
Никогда не будет такого лета.
Никогда полиция не будет так
вежлива,
а пожарная охрана не будет
так проворна и умела.
Никогда сигарета не будет такой вкусной,
а водка холодной и целебной.
Никогда не будет таких красивых девушек.
Никогда не будет таких вкусных пирожных.
Сборная нашей страны
больше никогда не покажет таких результатов.
Никогда не будет таких колбас,
такой кока-колы,
такой горчицы
и такого молока.
Никогда не будет такого лета.
Солнце не будет больше так чудесно
всходить-заходить,
месяц не будет
висеть так красиво.
Никогда
не будет
такого телевидения, таких ярких газет,
никогда
ты не будешь со мной так нежна,
никогда священник не будет говорить
таких мудрых слов,
никогда органист не будет играть так красиво,
никогда Бог не будет так близок,
не будет таким ласковым и добрым, как сейчас.
Никогда
не будет

такого лета,
никогда
не будет
такого лета...
На горизонте сверкает молния
и слышен скрежет
железа.

* Филандия — городок в Колумбии, символизирующий для автора далёкие, почти нереальные края. — *Прим. пер.*

**Из книги
«НИЗМЕННЫЕ ПОБУЖДЕНИЯ»**

Стихотворение для Боновича

Умереть.
Воскреснуть.
Потом отоспаться.

Меланхолия

Я уже много лет живу в этом офисе,
и мой рот забит пылью.

Уже много лет одна и та же певица
поёт одну и ту же песню.

Фамилии только у неё разные,
но певица всё та же,
как и песня.

Уже много лет.

Откашляться.

Выйти на свет.

Раз ты меня не хочешь

Раз ты меня не хочешь,
найду себе работу оператора мобильной связи,
найду себе работу на спутниковом ТВ,
найду себе работу в банковской сфере,
раз ты меня не хочешь.

Раз ты меня не хочешь,
стану приложением к глянцевым
журналам для домохозяек,
раз ты меня не хочешь.

Раз ты меня не хочешь,
выкурю семь пачек
ментоловых сигарет суперлайт за раз.

Раз ты меня не хочешь,
запью пиво редбулом
и буду питаться исключительно
в торгово-развлекательных центрах,
раз ты меня не хочешь.

Раз ты меня не хочешь,
найду себе работу оператора мобильной связи,
найду себе работу на спутниковом ТВ,
найду себе работу в банковской сфере,
все там уже работают.

И сделаю минет президенту,
и сделаю минет первой леди,
все так делают,
раз ты меня не хочешь.

Странный ангел

Я думал, что это смерть, а это
не смерть, наверняка нет, это,
скорее всего, бывшая невеста
бывшего приятеля.

Или бывшая барменша какого-то
давно закрывшегося бара, ну, я не уверен,
иногда встречаю её в городе,
в толпе, на жаре, она смотрит на меня и

я знаю, кто это, ну, почти знаю, ответ так и вертится
на кончике языка, а язык у меня без конца. Она

внимательно
смотрит на меня, без малейших эмоций, это не смерть,
это совсем другой расклад, так на меня сегодня ещё
не смотрели.

Апрель 2009

Девушка, сидящая рядом,
тоже хочет.

Все, кого ни встречу,
говорят о проектах,

которые они прямо сейчас хотят реализовать
в рамках более глобального проекта,

в финансировании которого, скорее всего,
поучаствует мэр Вроцлава.

Вне этого проекта нет поэзии.
Кто же я тогда?

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ**

Очевидно, что любви нет.
Нет и никогда не было.
Даже то, что мы делали,
ни в коем случае не имеет отношения
к любви.

Очевидно, что любви нет.
Я ошибался, я ошибался.

Очевидно, что любви нет.
Можно передохнуть, можно вдохнуть
остатки своего тепла
в остатки тепла этого мира.

Мои дневнички

Я забываю забыть. Я забыл о том,
что когда-то уже так закончил. Начинаю по новой
— и забываю забыть. Незабываемые неприятности
оживают, как в фильме, что лежит в видеопрокате

на полке «Триллеры». Встают останки
былых проблем, вот они что-то требуют,
опять, опять нужно вбить им осиновый кол,
а затем забыть, забыть.

Именно так всё закончилось? Именно так я с этим
покончил
— говорю и не помню, что уже так говорил
в другом месте, в другое время. Я помню только

расцветку обоев,
мои дневнички,
расцветку обоев.

Утренняя епархия

Пол, плащ вместо кровати, свитер вместо одеяла.
С гордостью ношу шерсть домашних животных
на своей одежде, теряю человеческий облик
изящно и деликатно, получаю откровения во сне.

Это моя епархия, мой континент.
Первый луч солнца назло старой, чёрной,
окостеневшей земле.

Здесь у меня, мужика, нет больше повода
прятаться от лучей утреннего солнца,

от жилых домов, от женщин, от того,
куда нужно успеть добежать до вечера.

Из мёртвых

В новой жизни нужны новые женщины.
Вот воображение уже тискает очертания задниц,
обломов, грязных ног и волос,
веснушек и косметических средств.

Новая жизнь и долгие разговоры из серии «переживаю
за тебя», заводимые для очистки совести,
ночь вытесняет ночь, одни похороны
наперегонки с другими.

Когда-нибудь я решусь, сейчас я в дороге,
не знаю, вернусь ли, если она исполнит
моё единственное условие, и раз уж нет у меня права
ставить условия, я поставлю сам себе

водки, и условие назову, не услышав его.

Чётки, кофемолка, флюгер

Я не ухаживаю за твоим мужчиной
в твоё отсутствие, не кормлю его
должным образом, отправляю его к другим женщинам,

а он их обижает, обещая то,
что уже обещал тебе;

я не ухаживаю за твоим мужчиной,
это кто-то, кого не должно здесь быть,
я держу его в небольшом, всё ещё открытом гробу,

он поёт оттуда короткую песенку пьяницы.

Четверг

Мы встречаемся каждый четверг четверг ровно в пять
в самом далёком баре самого тёмного квартала города
мы встречаемся каждый четверг четверг ровно в пять

само собой разумеется пьём алкоголь
но сейчас вообще-то совсем не об этом
мы встречаемся каждый четверг четверг пьём алкоголь

много не болтаем сидим ждём
подходящей минуты чтобы встать и идти
на поиски случайной постели в самом тёмном квартале
города

однажды она сказала — мой муж уезжает из города
пойдём к нам — в смысле, ко мне — поправилась
а я не мог я психанул

четверг
четверг
четверг

а я не мог я психанул
я знал — её соседи меня засекут
его брюки висящие в шкафу
будут пялиться на меня
недобрым взглядом
его чашка
сразу невзлюбит меня
их постель плюнет мне в глаза

Мы встречаемся каждый четверг четверг ровно в пять
в самом далёком баре самого тёмного квартала города
мы встречаемся каждый четверг четверг четверг четверг

Las putas

Мы —
две бляди.
Я в большей
степени блядь, ты — в меньшей.
Мы битый час
кружим по площади
Свободы
и Победы.

Мы
тяжело больны.
Мы,
да, мы не доверяем шлюхам.
Нет,
тебе нас не понять,
не успеешь, ведь
наша жизнь коротка.

(мы танцуем глазами,
мы танцуем водкой,
до весны не дотянем,
наша жизнь коротка)

Мы —
две бляди.
Я
блядь мужского рода, ты — женского.
Мы битый час
кружим по площади
Свободы
и Победы.

Синие

Синий голуаз,
зелёный LM,
обычный винстон —
выбирай сам.

Ты должен выбрать,
выбор за тобой.
Должен определиться —
выбирай сам.

Выбирай сам.

На той стороне,
где горит зелёный,
на той стороне,
где горит красный.

На той стороне,
нормально, как люди,
либо в одиночку —
своей же рукой.

Выбирай сам.
Выбирай сам.
По-любому всё кончится
одним и тем же.

Выбирай сам.

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «ХОЛОДНЫЕ СТРАНЫ»

Польша	6
Тропик Козерога	8
Ловушка	9
Первый снег	10

Из книги «СХИЗМА»

«Просыпаясь и чувствуя руку, спокойно лежащую...»	12
Майские баталии	14
Небольшие проблемы с памятью	15
Посмертная корреспонденция	16
Смерть	17
М. — Чёрный понедельник	18

Из книги

«37 СТИХОТВОРЕНИЙ О ВОДКЕ И СИГАРЕТАХ»

Простой и позитивный	20
М. — в дороге	21
Запутывая следы, в апреле	22
Вне графика	23
Urbi et orbi	24
Место преступления	25
Зонтики	26
Оплёванный	27
Касабланка	29
Господин Трактор	30
Рог из слоновой кости	31
McDonald's	32
М. — убийство	33
Хенрик Цветик	34
Неподсаживаемый	36

Вэн Моррисон, Джим Моррисон, Патти Смит и Джими Хендрикс прикалываются	38
I wanna be your dog	40
Уже, сейчас	41
Покрась это в какой-нибудь цвет	42
Входи, гвоздик	43
Утечка	44

Из книги «ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА»

«Первый раз проснулась спокойной...»	46
30 апреля 1994 года	47
Ночь с августа на сентябрь	48
Блокнот агитатора	49
Вход	50

Из книги «ПЕСНИ ПРОФАНА»

Ещё о варварах	52
Новая песня иммигранта	53
Камера обскура	54
Песня профана	55
Чёрный июль	56
Извинись	57
Дрессура	58
Пять религиозных стихотворений	59
Отметины (одна из многих версий)	61
Вторая песня профана	64

Из книги «ВОЗВРАТУ ПОДЛЕЖИТ»

Целование	66
Приголубливание	67
Бритьё	69
Враньё	70
Охмурение	71

Ничего неделание	72
Курение	74
Говорение (в конце века)	75
Убивание	76
Совращение	77
Прощание	78

Из книги «СЛОМАННЫЙ»

Ложись!	80
Доминикана	81
Так говорил алкоголь	82
Ангел / труп	83
К.	84
Сорок шестой	86
Какой?	87
Смертельные песни	88
38-я песня о сигаретах	89
38-я песня о водке	91
Голодные духи	92
Фальстарт	93
Вступление к ночи	94
Ночь	95
Утром	98

Из книги «МУЗЫКА СЕРДЦЕВИНЫ»

Записка	100
Болезненная нехватка непонимания	101
Минутный делирий	102
Идут и беседуют	103
Просыпаюсь, а лето кончилось	104
Мартин	105
Польша 4	106
Ресторанный декаданс	107
Я летаю	108

Слабое звено	109
Ремонт после смерти	110
Малиновый пиджак	111
Два дня каникул	112
Музыка сердцевины	114
Filandia	115

Из книги «НИЗМЕННЫЕ ПОБУЖДЕНИЯ»

Стихотворение для Боновича	116
Меланхолия	117
Раз ты меня не хочешь	118
Странный ангел	119
Апрель 2009	120

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

79	122
Мои дневнички	123
Утренняя епархия	124
Из мёртвых	125
Чётки, кофемолка, флюгер	126
Четверг	127
Las putas	128
Синие	129

«АРГО-РИСК»

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НЕКОММЕРЧЕСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

Действующие проекты

«Воздух»

Журнал поэзии

28 выпусков с 2006 года

«Воздух»

Книжная серия

72 выпуска с 2005 года

«Воздух. Малая проза»

Книжная серия

14 выпусков с 2010 года

«Поколение»

Книги молодых поэтов

39 выпусков с 2005 года

Новый проект

«Дальним ветром»

Библиотека современной зарубежной поэзии

5 выпусков с 2013 года

Остап СЛИВИНСКИЙ / Украина

Израэль ЭЛИРАЗ / Израиль

Клод РУАЙЕ-ЖУРНУ / Франция

Рони СОМЕК / Израиль

Мартин СВЕТЛИЦКИЙ / Польша

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ

<http://www.vavilon.ru/order/>

Подписано в печать 25.01.2015. Тираж 300 экз.
Проект АРГО-РИСК ИД Книжное обозрение
117648 Москва, Сев.Чертаново, 8-833-218.